

9. Текущий архив Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря. Ведомости о девицах духовного звания, обучаемых в училище, 1847.
10. Отчет епископа Василия в Св. Синод, 1857.
11. Довгялло, Д.И. Памяти настоятельницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря игуменьи Евгении (Говорович) / Д.И. Довгялло. – Витебск, 1900. – 25 с.
12. Текущий архив Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря. Отчет преосвященного Викторiana в Св. Синод, 1876.
13. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Фонд 54. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 1. Протокол заседания коллегии Полоцкого Отдела Народного Образования, 1919 г.
14. Шейкин, Г.Н. Полоцкая епархия: Историко-статистическое обозрение / Г.Н. Шейкин. – Минск: Свято-Петро-Павловский собор, Белорусское православное Братство Трех Виленских Мучеников, 1997. – 96 с.

ИСТОКИ ВИЛИИ. ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА

д-р ист. наук В. ВАЙТКЯВИЧЮС

(Институт истории и археологии Балтийского региона Клайпедский университет, Литва)

Представлена попытка реконструкции сакрального ландшафта района истоков Вилии. Исследование опирается на фольклорный материал, собранный в 1857 – 2007 годах, а также на археологические, исторические и лингвистические данные. Сакральный ландшафт характеризует в первую очередь Степ-камень и к нему примыкающее болото Застебье, с которого в прошлом брала своё начало река. Это место – центральная арена мифа о возникновении реки. В этом отношении прослеживается несколько важных контекстов, главными из которых, по нашему мнению, являются противоположные, но активно взаимодействующие пары воды и камня (вероятно, также воды и огня), языческих божеств мужского и женского пола, христианского святого Степана и мученицы Акилины. Археологические данные дают основание предполагать существование определенного сакрального пространства во второй половине I – начале II тыс. н.э.; курганы данного периода составляют органичную часть указанного территориального комплекса.

Места, в которых начинаются реки, – особые. Чем больше река, тем более нас привлекает ее начало. Часто черты природного либо культурного характера, прослеживаемые у истоков и в верховьях реки, сопровождают ее и всё остальное течение. Не является исключением и основной приток Немана – река Вяля (либо Вялля, Вяльля), которую в литературе принято называть Вилией.

В самом начале на себя обращает внимание факт, что развитие природной среды истоков Вилии в течение нескольких тысяч лет является неисследованным. С середины XIX века истоки реки локализируются между деревнями Великое Поле и Шиленцы, но местные жители старшего поколения до сегодняшнего дня утверждают, что река начинается (либо начиналась) у Степ-камня, в болоте под названием Застебье, или еще более конкретно, – в южной части данного болота, которая примыкает к Степ-камню. Недавно там еще лежало небольшое зарастающее озеро: *Vilija тут nacyнаецца ад Сцёп-каменя* [1, LTR 7647/191], *Там ёсць балота, цячэць вада, у раку Вiлю ўходзіць* [1, LTR 7647/465]. В отличие от графа Константина Тышкевича [2, с. 23], профессор Чесловас Кудабя не опроверг такой возможности, хотя в своей работе, посвященной реке Вилии, этого вопроса не детализировал [3, р. 5 – 6].

Источники по исторической географии конца XVI – начала XIX века подтверждают тот факт, что к данному времени река действительно начиналась в озере, ориентированном по направлению юг – север, либо в водянистом верховом болоте, сегодня известном под названием Застебье. Это положение фиксирует первая, по существу заслуживающая доверия, карта Великого Княжества Литовского, составленная примерно в 1590 – 1600 годах и отпечатанная в 1613 году [4, р. 52 – 53]. Эту же самую информацию повторяют, с некоторыми исключениями, более поздние карты включительно до первой половины XIX века [4, с. 70 – 71, 72 – 73, 92 – 93]. Соединение между Азерцом (так называется западная часть болота Застебье) и дальнейшим течением реки Вилии было локализовано в 2007 году участниками экспедиции Вилия-Нерис. В июне месяце текущей воды здесь не было видно, но не зарастающая полоса свидетельствовала о том, что здесь грунтовые воды максимально приближены к поверхности.

В прошлом, в районе истоков реки Вилии из поколения в поколение передавались предания о чудесном возникновении реки. Характер этих преданий можно представить из рассказа Софии Насенник (Батуро) (1929 г. н., дер. Городище):¹ *«Сколькі мне было гадоў, яшчэ малая... Зрання ўстанем, у часы ча тыры – ў Бегамлі нада нясі яблыкі прадаць на базар. А ў нас жанчына была, удава. Яна нам расказва-*

¹ Данный текст и остальные фрагменты расшифровали: Т. Володина и Ю. Унукович.

ець, ідзем па лесе (там нада ад нас у Бегамля – дваццаць кілометраў і па лесе ідзем). Гэна ісці праз Вілью. Ідзем і яны расказваюць. Мы пераходзім гэта ўжо Шылінцы, Доўгае там ёсць. У Доўгім прыходзім – пятахі пяюць. Пасядзім пад хлеўчыкам, паддыхнём, эта ж ужо не знаём надта дужа, а яна ў нас як маці – бабушка. Вот яна нам раскажыць. „Во гэта, – кажыць, – дарожка ідзець на Сцёп-камень, а з гэтага Сцёп-каменя – там імшары, імшары – начынаецца гэта рака Вяля“. У Шылінцах. А гэты Сцёп-камень – даўна ж людзі неяк пракліналі адзін аднаго. Мужык паехаў араць туды. Там поле было – аралі, а цяпер ужо балота зарасло. З быкамі паехаў араць. Там, казалі, гэты камень гэтак ён і зрабіўся (...).

Прыехаў, араў-араў. Прыходзіць жонка, прыносіць есці. Прыносіць есці яму і, гаворыць, нешта ён можа еў там, можа ня еў, і нешта яны ўжо заругаліся. І яна ўжо будзіць на яго казаць: „Каб ты Сцёп-каменем узяўся! Як ты мне ўжо надаеў!“ А ён кажыць: „Каб ты ракой Вяльлэй пайшла!“ І з таго ці не з таго з гэтага месца, з гэтых імшар абразавалася гэта Вілья. А там вялікі-вялікі камень стаіць. Можна ў траву дзе ўрос. Балеячка стаіць. А камень, кажучь, настаяшчэ быкі, кажучь, як рогі, кажучь, гэтыя. Дык два ж гэтыя і гэты камень вялікі. Яго, як тады ўжо гэтак ён пракляў, усе людзі празвалі Сцёп-камень. Ён, той мужык, зваўся Сцёпа. Дык Сцёп-камень. А яна, я не знаю, як звалася. Толькі ён сказаў: „Каб ты Вяльлэй узялася“. І ад таго ці не ад таго, ну мне дык тожа бабушкі расказвалі...» [5].

Данный миф о возникновении реки Вилии в памяти людей уже давно разбился на многочисленные фрагменты и иногда даже противоречивые варианты. Несмотря на это, при реконструкции сакрального ландшафта он является одним из самых значительных источников. Весь массив нарративов на сегодняшний день составляет несколько десятков текстов, записанных в течение 1857 – 2007 годов [2, с. 20 – 23; 6, с. 379 – 381; 7, с. 5, 11, 17; 1, LTR 7647]. В своем исследовании мы будем вынуждены опираться также на данные археологии, истории и этнографии.

Предварительный анализ текстов

В центре большинства преданий о возникновении реки – Степ-камень (в вариантах – просто Степан), представленный на рисунке 1. Вместе с ним предания и исследователи также упоминают по соседству растущую священную сосну Кулину (иногда – Акулину). В большинстве вариантов Кулина на сегодняшний день уже занимает место жены Степана Вельяны.

Рис. 1. Степ-камень (фото автора 2004 г.)

В записях XIX – начала XX века Степан чаще всего представляется портным либо сапожником, жителем данной местности, который подвергся наказанию и окаменел из-за заключенного союза с нечистой силой. Несмотря на это, он занимался своим ремеслом, даже оказавшись в таком положении. Люди приносили материал, клали его на камень и потом забирали сшитое. Способности шить камень лишился лишь после того, когда некий человек обратился к нему со словами *сшыў мне ні то, ні сё* [7, с. 57], *poszyj mnie ni to, ni owo* [2, с. 22].

На сегодняшний день в текстах преобладает образ Степана-крестьянина, который пошел пахать поле на Пасху и был проклят своей женой (в вариантах – матерью) вместе со своими быками. Кроме того, прежде чем окаменел сам, Степан успел проклясть свою жену, которая обратилась в сосну либо разлилась водой.

Прокляття в разных по содержанию текстах являются самой устойчивой и с некоторыми исключениями даже формально повторяют часть предания: *Каб ты каменем стаў! Каб ты вадой разлілася!* – таков диалог между супругами [7, с. 20, 56 и др.]. Несмотря на то, что диалог происходит между Степаном, который вот-вот превратится в камень, и Кулиной, которая в это мгновение обычно превращается в сосну, указание на превращение в воду в формуле проклятия чрезвычайно важное. Как раз это обстоятельство позволяет нам сосну в паре камень – вода считать относительно поздней инновацией. Как парадоксально это бы не выглядело, священная сосна при дороге на восток от камня в преданиях заменяет водоем (болото, озеро либо реку) в направлении на запад от Степ-камня, ср.: *Яна пашла, Куліна, гэта сасна, ракой Вільлэй* [1, LTR 7647/174] или же Застебье, которое дословно означает болото, расположенное за Степ-камнем, в то же время может выступать как собственное имя жены Степана! [7, с. 20, 51].

Кстати, можно привести и больше примеров о том, как действующие лица и места, упоминаемые в тексте, путаются. Это свидетельствует лишь о давнем происхождении основного мотива, сложном его развитии и трансформациях. Иногда даже невозможно установить – или людям характерно тиражирование тех самых мотивов преданий, или в одно время одинаковые мотивы существовали параллельно. Например, конфликт между пашущим мужем и его женой переносится за 2 км от Степ-камня, в местность деревни Баяры: *Карагодзішча. Тожя былі дзед і баба. Ён араў, а яна яму прынясла есці. І кляла тожя там: «І каб ты возерам узяўся». Усяк* [1, LTR 7647/243]. За 8 км от Степ-камня указывается проклятый пахарь с быками недалеко от деревни Глинище: *там нехта араў, дык гэтка камень – коні, як і плуг, і чалавек* [1, LTR 7647/476] и т. д.

Таким образом, в центре событий, которые происходят на месте истоков реки, – камень и вода. Как в балтийской, так и в славянской мифологии эта пара постоянно в месте, члены которой дополняют один другого и обмениваются своими свойствами, демонстрируя, что их существование невозможно без взаимного участия. Есть все основания считать, что представление камень – вода (камень в море, камень на берегу реки, источник, бьющий из-под камня, и т.д.) является одним из основополагающих, так как при его помощи выражается понимание огня и воды, жизни и смерти, и ряда других родственных концептов [8, р. 144 – 148]. (Кстати, зафиксированы и некоторые комплексы священных мест того же типа, который мы обнаружили в районе истоков Вилии, – ср. группу камней в местности Стаби-не и болото (бывшее озеро) Стабас там же (Таурагский р-н, Литовская Республика) [9, р. 612 – 614].

Степ-камень – валун отличительной формы – это ориентир, знак определенного места в местности, а в мифическом отношении – гарант бесконечного источника воды, так как в то время, когда камень стоит, вода – течет. Это часть священного места и всего пространства, которая представляет собой мужское начало или, возможно, мифическое божество. На образ последнего указывают рассказы о том, каким этот камень (= человек, который обратился в камень) был в прошлом. А он поражал своим необыкновенным ростом, имел голову, плечи, знаки рук, груди и даже ноги, через которые можно было проехать верхом: *Ужо ён быў такі вялікі, што празь яго, празь ногі дажа і с канём можна было праехаць* [5, с. 56]. Некоторые утверждают, что сам Степан был на коне и *было відаць, што там конь і чалавек* [1, LTR 7647/472] (ср.: *Чатыры, казалі, нагі ў тым каменю* [1, LTR 7647/266]).

Вода, разлившаяся возле Степана, – это женская часть комплекса. Предания иногда считают эту воду слезами печали, но в большинстве рассказов говорится о том, что это чистая, холодная криничная вода, которую каждый может пить в жару: *Дык дзеткі піць хочуць за цэлы дзень бягуць туды піць вадзічку. А вадзічка халодная-халодная была. Балота, а вада – як усё роўна крыніца б'е* [1, LTR 7647/611].

Предания о других священных местах Беларуси и Литвы указывают на то, что превратиться в воду и течь – это чаще всего судьба проклятой невесты, едущей на свадьбу, или уже на обратном пути со свадьбы, либо ее дальнейшее существование¹ (ср. Девичье озеро в лесу возле местечка Вевис, которое образовалось на месте проклятого свадебного кортежа).

На фоне возникновения реки немаловажным является, правда, редкий, мотив о том, что некая женщина Кулина под сосной родила дитя: *Ішла баба, трэба ей радзіць, села пад сасну і радзіла* [1, LTR 7647/266], *Жанчына, яна нарадзіла малага пад той соснай* [1, LTR 7647/290].

Эдвард Зайковский верно обратил внимание на тот факт, что Кулина, как и Степанида, в одном и том же заговорном тексте от укуса змеи (этот текст записан в исследуемом нами регионе) означают змею: *змяя Скурапея, сястра яе Палагея, Сцепаніда, Арына, Куліна, Салепянета, Цыкліда* [10, с. 122]. Эту тему продолжают данные о Змеевой могиле (*Змяёва магіла*) – насыпи извилистой формы, которая находилась у истоков реки Вилии. Ее характеристика (*магіла... ізвілістая як змея*) напоминает, хотя, возможно, позднее, истолкование самого названия реки: *яна ідзець няроўненька, а гэдак віляючы. Тымі лучкамі, вот сюды яна пахінецца, то туды пахінецца. Яна не ідзець прамая рака. Так вот і Вілія* [1, LTR 7647/601].

¹ Эта параллель наблюдается и в литовском: *niotaka* ‘невеста’ и *tekėti* ‘течь’.

Несмотря на интригующие данные и наши усилия их истолковать, облик мужского божества истоков реки остается довольно смутным. Возможно, что разные его образы и черты характера все-таки означают одно и то же божество. В первую очередь так можно судить о мужчине необыкновенного роста и змее, близкая аналогия которым известна в местности Гоголевка, где находится Змеев камень [11, с. 131 – 135; 6, с. 363 – 365].

Контуры водяного божества – женщины (возможно, в статусе невесты?) – еще более туманные. Но некоторые мотивы преданий указывают на то, что эти представления в прошлом все-таки могли быть более конкретными. Например, говорится о том, что данная женщина была очень хорошая и обязательная, заслужившая почтение у каждого жителя в окрестностях [1, LTR 7647/373]. Немаловажно упомянуть кладбище на окраине деревни Шиленцы (на сегодняшний день оно разрушено). На том месте якобы была похоронена женщина Вяльяна, которая дала начало водам реки; в ее память на могиле была воздвигнута часовня: *Вяляню хораша пахавалі, ухаўтурылі і на яе магілцы пабудавалі цэркаўку. І цяпер на Вяльянавай магілцы ў Шылянах стаіць царква* [6, с. 381].

В начале XX века опубликован текст о Вяльяне, похороненной в Шиленцах, который является на сегодняшний день единственным нам известным случаем, когда рассказ указывает на название реки и ее лексическую форму. И лишь гораздо позже чужие люди, которым не было известно о возникновении реки, стали употреблять неправильное название Вилии – так оканчивается этот текст: *толькі чужынцы, не ведаючы гэтай гісторыі, перайначылі крыху яе праўдзівае імя, завучы Вільіі* [6, с. 381].

Сегодня названия реки уже никто не объясняет по существу и не уделяет ему внимания. На месте Вяльи часто упоминается Кулина, также Застебье [7, с. 20], Зося [7, с. 51] и т.д. Для некоторых информантов Вялья – это просто речка (*ракушка*) или река: *не знаю, як яна называецца. «Наша рака»* [1, с. 257], собственное имя которой забыто или даже вообще не было известно!

От мифа к культуре

Начиная с 1990-х, когда Степ-камень оказался в фокусе внимания исследователей, о нем высказано довольно много мнений, когда предпринимались попытки описать функции этого священного места, его социальную и культовую роль [11, с. 135 – 140; 12; 13, р. 287 – 290; 14, с. 37 – 45].

Первое положение ученых касается географического положения Степ-камня. Факт, что камень находится в водоразделе между Вилией и Березиной (относительно Немана и Днепра, Балтийского и Черного морей), указывает якобы на то, что Степ-камень – это знак пути «из варягов в греки» (*адменіца аднаго з малавядомых транспартных шляхоў «з варагаў у грэкі»*), который являлся, возможно, объектом ритуалов, связанных с путешествиями [11, с. 139 – 140].

Без всякого сомнения, положение Степ-камня совершенно исключительное, оно не могло не влиять на функционирование этого священного места и на состав участников в ритуалах. Однако сегодня определенно можно сказать лишь то, что в пределах водоразделов часто находились священные места, предназначенные для объединений нескольких общин, земель, племен и регионов [15, р. 198 – 199]. В исследуемом случае некоторым подтверждением положения этого характера могут служить данные о территориальном и административном делении по крайней мере в XVI – XVIII века, когда в окрестностях Докшиц сходились границы воеводств Вильнюса, Минска и Полоцка. В конце XIX – начале XX века границы государственного и четырех частных имений также сходились недалеко от Степ-камня – в местности Пять копцов [7, с. 55]. Пять копцов – группа курганов, очевидно, была всем известна с давних времен как визуально ярко выделяющееся место. В том же контексте обращает на себя внимание локализованная за 2,5 км на север от Степ-камня местность *Крывіна* и соответственно – *Падкрывіна* [7, с. 51] (*Госп. д. Кривые* [16]; *Кривино* [17]). Имеем некоторое основание связывать происхождение названий данного типа с местами, где в прошлом происходили собрания, иногда известные и под названием *кривуля* [18, с. 15]. Собрания такого типа в форме копного суда в районе истоков Вилии еще известны в XVI – XVII века [19, с. 137].

Вторая гипотеза исследователей как раз обращает внимание на название самого Степ-камня. Основательно апеллируя к названию болота *Застеб'е*, лежащего за камнем, предполагается, что перед тем, как камень стал Степ-камнем или камнем [Святого] Степана, предыдущее его название могло быть родственно слову *stabas* «объект поклонения у язычников» и звучать как *Сцѣб*, *Стаб* или *Сцѣб*. Таким образом, камень, судя по значению его названия, сам являлся идолом для представителей балтов, проживающих в данном регионе [11, с. 139].

Вероятность крайне большая, что имя Святого Степана, атрибутом которого является камень либо камни [20, р. 289], в христианскую эпоху заменило близкий по звучанию *Стаб* или *Сцѣб*. Но такое предположение еще должны подтвердить лингвистические исследования. Мы можем лишь дополнительно обратить внимание на тот факт, что Степ-камень, имеющий форму вертикального столба, и в текстах всегда стоит, иногда даже как кол (*Сцѣпан, што табе стала тут стаяць?* [1, LTR 7647/48]; *Каб ён каменем і колам сеў* [1, LTR 7647/242]). В сравнение, другие камни в том же регионе обычно сидят (напр.: *дзе ён той камень сядзіць* [1, LTR 7647/476]).

Со словом литовского происхождения *kulynas* «молодняк» (но также *kūlis* со значением «камень») Эдуард Левков сопоставляет также название сосны Кулины [11, с. 140]. Но по своему образованию данное название все-таки не выделяется из ряда соседних местностей, таких как *Баравіна*, *Дзеравіна*, *Пярэіміна*, а его значению возможны разные белорусские альтернативы [14, с. 42 – 43], не исключая и связи с собственным именем [мученицы] Акилины (ср. вариант названия сосны *Акуліна*).

На сегодняшній день в районе истоков Вилии определен один беспорный топоним балтийского либо литовского происхождения – это название *П'янное поле* [1, LTR 7647/296] ([урочышча] *П'янная* [5, с. 56]) у деревни Баяры. Очевидна его связь с литовским *pjaunis* «низина; сенокос; поле, где пашни менше, чем сенокоса» (либо *pjaunus*), который часто фигурирует и в канцелярских документах Великого Княжества Литовского XVI – XVII веков [21, р. 164 – 166].

Третья значительная гипотеза связана с установлением имени и функций божества исследуемого священного места. Образ Степана, который вырисовывается из преданий о Степ-камне, считается замечательной хтонической божеством славянских народов Вялеса: *фальклорны Сцяпан паводле сваіх характарыстык можа быць суаднесены з Вялесам* [12, с. 10]. Тем временем нам известен широкий анализ фольклорного материала ряда индоевропейских народов, на основе которого утверждается, что *особенности Степана дают аргументы считать его результатом переименования Перуна (!)* [22, с. 120]. Важно обратить особое внимание на деятельность (либо присутствие) Перуна в случае Степ-камня: первое, голову Степ-камню якобы отбил Перун [11, с. 136] – и мы узнаем контакт, в результате которого здесь появляется еще один важный элемент – огонь. И второе: широко известно, что окаменение происходит во время грозы или, чаще всего, молния является знаком подобного превращения.

В последних публикациях взаимные отношения божеств, связанных со Степ-камнем, представляются гораздо осторожней и в более широких контекстах, обращая внимание на весь массив разной, иногда даже противоречивой информации [14, с. 37 – 45]. Исследования Татьяны Володиной, представленные в 2007 году на конференции «Балто-славянские культурные связи» в Риге и еще не опубликованные, указывают на факт, что шитье одежды либо сапог не является чертой, принадлежащей какому-либо божеству, связанному с определенным камнем. Скорее всего это метафора и тем самым способ говорить о характере ритуальных отношений между людьми и божествами. Следовательно, в священных местах человек становится одетым или раздетым (это действия, всегда имеющие и важные социальные значения), чувствует холод или согревается, теряет жизненные силы или приобретает здоровье. Из-за вторжения христианства, данное «шитье» одежды или обуви в языческих культовых местах стало одной из ярких или, в отдельных случаях, самой яркой негативной чертой, всегда характерной для нечистой силы, демонов либо просто людей-грешников.

Таким образом, нам уже очевиден двойной характер священного места – истоков Вилии. Он связан с присутствием центральной пары камень – вода, мужского и женского элементов, божеств разных сакральных характеров, с точки зрения социальных отношений – с мужчиной и женщиной, братом и сестрой и т.д. Очевидно, что выискивать одно божество и одну сакральную сферу, которая преобладала бы в исследуемом нами случае, не стоит усилить.

Самая поздняя – христианская – идеология подтверждает сказанное своим определенным образом. Так как там встречаемся со Степаном (т.е. Святым Степаном) и Кулиной (в вариантах – Акулиной), которая, вероятно, имеет прямую связь с мученицей Акилиной. Соответственно, первому приписывается опека над лошадьми, второй – над коровами. День Св. Степана отмечается 26 декабря, а день Акулины симметрично – спустя полгода, 26 июня [23, с. 133, 223].

О характере ритуалов в священном месте мало данных. Значительных результатов не дали и археологические раскопки в 1993 г. возле Степ-камня и окаменелого быка. Ни следы кострища, ни остатки от столбов не подверглись датированию, а никаких артефактов не было найдено [13, р. 287 – 290].

Предания свидетельствуют, что в прошлом, но скорее всего после введения христианства, могла существовать какая-то ритуальная практика, направленная на лошадей с целью гарантировать их здоровье или его укрепление. Повод этому дает симптомно рассказываемый мотив в деревни Баяры – верхом можно было проезжать посреди ног окаменевшего Степана [7, с. 56; 1, LTR 7647: 266, 289]. Внимание обращает и указание с деревни Красники, что между ногами Степана люди могли пройти на коленях [11, с. 136].

Сосна Кулина считалась неприкосновенной, *не ахраняў ніхто, але яе абходзілі, як набожная... Яе каб ня трогалі* [1, LTR 7647/189]. Когда в советские годы кто-то задумал ее спилить, это сделать не удалось, так как из дерева потекла кровь (в вариантах – появились кровавые опилки).

В 2005 – 2006 годах часто приходилось слышать воспоминания информантов о том, что детьми они часто заходили к Степ-камню и к Кулине, некоторые – приносили им в жертву часть того, что собрали в лесу – ягод или грибов, считая это жертвой несчастному Степану или даже самому Богу: *Сабіраем ягады. Знаем, што там можа хто пагібшы быў, там ягады заняём туды* [1, LTR 7647/169], *Мы як*

пайдзём у паземкі і тады ахвяру ягад сыпем каля гэтага каменя, каля Куліны... Гэта нам ужо кажуць, што ахвяркі кладзіце [1, LTR 7647/610]. Оказывается, что ягоды Степану сыпались на своеобразный порог впереди камня, внизу, на левой стороне (рис. 2).

Рис. 2. Ниша на передней стороне Стёп-камня, куда ещё в XIX – XX века клали хлеб и ягоды

Удивительный рассказ Михаила Лынько (1921 г. р., дер. Кромавичи) о том, как он с попутчиками пешком ходил в Бегомль и как они останавливались выпить у Степана с Кулиной: *Ідзём аж туды, да гэтага каменя. Станавімся кала яго... Вып'ем, тады: «Ну, Куліна, будзь здарова»... выпілі, пагаварылі, паглядзелі яшчэ на сасну, на камень. Адходзім: «Ну, бывайце! Мы пайдзём па свайму на-значэнню»* [1, LTR 7647/373]. Но особенно ярким примером, отражающим архаичные отношения между людьми и священным местом, являются рассказы Елены Капыл (1920 г. р., дер. Красники).

Рис. 3. Рассказы Елены Капыл записывает Татьяна Володина (фотография Д. Вайткявичене 2006 г.)

Однажды ее бабушка, бывая у Стёп-камня, в своих мыслях подумала себе, чего ты тут стоишь, Степан. А Степан ответил ей ночью во сне, с некоторым упреком спрашивая у женщины, чего же она пришла к нему, не на смех ли. *Яна кажаць: «Сцяпан, Сцяпан, што табе стала тут стаяць?». А ён: «Што ты прышла тут насъмешку строіць зь мяне»* [1, LTR 7647/53]. Ровно такую же традицию общения продолжает сама Е. Капыл, так как она просит здоровья у Степана и Кулины: *Эта я сама с сабой гавару і з гэтым камнем. Кажу: «І ты мне памажы, як здароўя ў мяне няма». Во гэткая гаворка. Сама с сабой так, а с сасной толькі пастаяла і падумала: «Куліна, Куліна, якая ты бедная, так цябе падрэзалі. А ты стаіш, не далі табе рады. Ты, наверна, у Бога шчаслівая, што цябе ня зрэзалі»* [1, LTR 7647/53]. На Пасху Е. Капыл сама часто жертвовала кусочек хлеба (часть еды, которую обычно несут на кладбище или раздают нищим), а собирая в лесу ягоды – что имела с собой, хлеба или чего другого [1, LTR 7647/53].

Священное место и курганы

Следя за мифами, мы предварительно уже отметили пределы сакрального пространства между деревнями Баяры, Шыленцы и Красники. Оно охватывает Степ-камень, сосну Кулину и к ним примыкающее болото Застебье. Однако существует еще один фактор, важный для изучаемой в нашей работе цели. Это курганные группы, характерные для периода приблизительно VII – XI веков и связанные с кривичами – скорее всего субкультурной группой балтов и славян – представляющими жителей южной окраины Полоцкой земли (княжества). В любом случае надо учесть факт, что до сих пор ни один из курганов, находящихся непосредственно в районе истоков Вилии, не подвергся раскопкам.

Моя идея в отношении данных курганов, которую в первую очередь и подчеркиваю, актуализирует факт, что курганы в лесу у истоков реки соединяет между собой дорога, а основная сеть дорог служит для установления связи не только между курганами, но также между ними и главным священным местом (рис. 4).

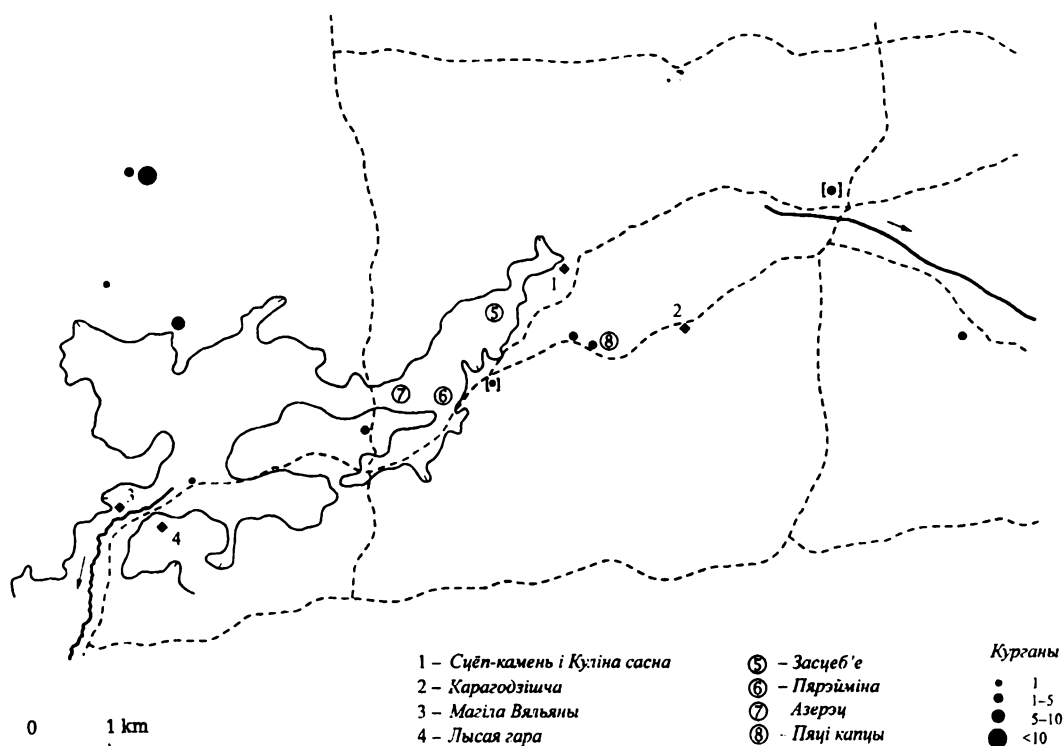

Рис. 4. Положение Степ-камня, Застебья, истоков Вилии и курганных групп (составлено автором в 2008 г.)

Первый по дороге, продвигаясь с запада на восток, – курган возле ныне не существующего хутора Долгое. Вторая курганная группа у хутора Долгое – гипотетичная, она чуть отклоняется от нашей дороги. Доходим до места, где находилась так называемая могила Змеи. Без сомнений, она играла мифологическую роль, которая, кроме связи этого места с захоронениями, нам пока остается неизвестной. Названия с именем Змеи в Беларуси довольно редки, но известны в роли наименований археологических памятников, ср. *Змяінкі, Змяінец* [24, с. 23, 47]. От Змеевой могилы возле истоков Вилии мы имеем возможность повернуть налево – к Степ-камню, или идти дальше, в Баяры. За 1,3 км по направлению Баяр достигнем курганную группу ближе деревни Красники и вскоре – уже упомянутых нами выше – Пять копцов.

Дальше по дороге достигнем местность *Караго́дзішча* – болотистую низину, название которой происходит от слова *карагод* и прямым образом связано как с преданиями о провалившемся на Пасху хороводе, так и с обычаем собираться здесь на веселье (ср. аналогии мест под тем же названием – *Дзявочы карагод* в Губском лесу, Вилейском районе; *Dziewiczy korohod* – в Вилии-Нерисе у деревни Вилькине, Вильнюсского района).

В деревне Баяры дорога разветвляется на Бегомль, и вскоре здесь видно бывшее место Баярских курганов, уничтоженных карьером, а если продолжать идти на восток, по дороге будут курганы в лесу у деревни Студенка. В последних двух случаях сталкиваемся с названиями типа *валатоўкі*, которые происходят, вероятно, от слова *волат* «великан» и встречаются по всей северной Беларуси, в Витебской области. На юг традиция меняется, и преобладает название курганов – *капцы* [24, с. 11 – 13; 25, с.120] (ср. нами упомянутые *Пять копцов*). В этом отношении район истоков реки Вилия представляет смежную или переходную зону.

Явление, когда для сооружения мест захоронения – курганов – подбирались окраины дорог либо непосредственно соседнее пространство с перекрестками, уже был отмечен мною, когда приходилось искать ответа на вопрос, почему курганы V – XI веков в окрестностях Кернаве, на Литве, располагаются вроде параллельно самой реке Вилии-Нерис. Обобщая данные о географическом положении и размещении курганов в пределах 130 восточно-литовских курганных групп, стал очевидным факт, что группы курганов представляют собой два основных типа. Первый – линейный, второй – в виде нерегулярного, но плотного скопления. Не учитывая разницу в форме расположения курганов, надо отметить, что всем им характерна взаимосвязь с дорогами и их перекрестками [26, р. 117 – 125]. Скорее всего и в исследуемом случае нет никакой случайности, и это даже не просто рациональное решение. Не последнюю роль играло мифологическое значение дорог и передвижения по ним как такого. Очевидно, что дороги соединяли пространство живых (усадеб и поселения) с пространством мертвых (кладбищами в виде курганных групп) и, что особенно важно, сопутствовали взаимной коммуникации в любом отношении и в любом направлении.

Попытка реконструкции сакрального ландшафта

Сакральный ландшафт истоков Вилии характеризует в первую очередь Степ-камень на узкой полосе земли между бассейнами Балтийского и Черного моря и к нему примыкающее болото – скорее всего бывшее озеро, с которого берет свое начало река Вилия. Это место – центральная арена мифа, познанного нами из многочисленных преданий. Вода начинает течь тогда, когда возникает камень, и можем добавить от себя, что вода здесь течет до тех пор, пока стоит камень. Когда последний в течение веков теряет основные части своего тела (голову, ноги) и идентичность (знаки плеч, рук, груди)¹, вода прекращает течь, озеро становится болотом и очевидное начало реки перемещается куда-то дальше, к деревни Великое Поле.

Как и стоило ожидать, мифическая история возникновения озера (источника реки) у камня имеет несколько важных контекстов, из которых наше внимание остановилось на противоположных, но активно взаимодействующих парах первичных элементов, таких как вода – камень; и (вероятно также, при помощи Перуна) вода – огонь, языческих божеств мужского и женского пола, христианского святого и мученицы, также некоторых других. Это – основной контекст культа и ритуалов в исследуемом месте. Увы, их характер остался нам пока довольно смутным.

Археологические данные позволяют судить о существовании определенного сакрального пространства, под современным названием ландшафта, датировать его второй половиной I тысячелетия – началом II тысячелетия, так как курганы характерны для данного периода и составляют органичную часть всего обширного территориального комплекса. Указанный период – это хронологический ориентир, но ни в коем случае не его ограничение, так как это же в некоторых отношениях сакральное пространство не переставало существовать до XX века и, весьма вероятно, берет свое начало в более глубоком прошлом, чем средний железный век.

Таким образом, исследование, которое потребовало от нас больших усилий дома и на поле, объяснило, увы, не так много. Хотя часть удачи состоит даже в том, что мы сумели четко сформулировать некоторые важные вопросы для дальнейших разысканий.

Конечно, нам нельзя забывать и тот факт, что сегодня Вилия стала, по нашим сведениям, первой рекой в Беларуси и на Литве с так основательно исследованными истоками.

Статья является результатом комплексных исследований 2005 – 2007 годов, проведенных в сотрудничестве с литовскими и белорусскими коллегами: Андреем Вайтеховичем, др. Дайвой Вайткавичене, др. Татьяной Володиной, др. Юлией Гурской, др. Людмилой Дучиц, др. Эдвардом Зайковским, Александром Зайцевым, Гедрюсом Зибертасам, др. Андреем Прохоровым, Альгирдасам Тарвидасам, Юрасем Унуковичем. Всем им, а также Алексею Глушко за предоставленную возможность познакомиться с материалами экспедиции 1993 года, выражаю свою глубокую благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив института литовской литературы и фольклора.
2. Tyszkiewicz, K. Wilija i jej brzegi. Pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym / K. Tyszkiewicz. – Drezno, 1871.
3. Kudaba, Č. Nerimi / Č. Kudaba. – Vilnius, 1985.
4. Lietuva žemėlapiuose. – Vilnius, 2002.
5. Материалы экспедиции Вилия-Нерис, 2007 г.
6. Легенды і паданні. – Мінск, 2005.
7. Этнаграфічная экспедыцыя «Сьцёп-камень» 15 – 25 жніўня 1993 г. // Сб. центра этнокосмологіі Крыўя, хранящийся в архиве Студенческого этнографического общества.

¹ Кстати, их заменяют христианские символы – кресты выбиты на лицевой стороне камня!

8. Vaitkevičienė, D. Ugnies metaforos. Lietuvių ir latvių mitologijos studija / D. Vaitkevičienė. – Vilnius, 2001.
9. Vaitkevičius, V. Senosios Lietuvos šventvietės. Žemaitija / V. Vaitkevičius. – Vilnius, 1998.
10. Замовы. – Мінск, 1992.
11. Ляўкоў, Э.А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны / Э.А. Ляўкоў. – Мінск, 1992. – С. 131 – 135.
12. Зайкоўскі, Э.М. Месца Вялеса ў дахрысціянскім светапоглядзе насельніцтва Беларусі / Э.М. Зайкоўскі. – Мінск, 1998.
13. Zaikovskiy, E. Šventviečių tyrimai Neries (Vilijos) baseine / E. Zaikovskiy // Lietuvos archeologija. – 2005. – T. 27.
14. Кашкурэвіч, Т. Касмаграфія і тапаграфія ў крыўскіх легендах пра камяні-краўцы ды пра паходжанне рэк Вялля (Нярыс) і Бярэзіна / Т. Кашкурэвіч // Druvis. – 2005. – № 1. – С. 37 – 45.
15. Vaitkevičius, V. Alkai. Baltų šventviečių studija / V. Vaitkevičius. – Vilnius, 2003.
16. [Топографическая карта 1865 – 1866 гг. Вильнюсской и Ковенской губерний. Номер листа XIII – 6].
17. [Карта] Военно-топографическое управление. Масштаб 1 верста в дюйме [Первая половина XX в., номер листа LXVIII – 15].
18. Санько, С. Крыўя / С. Санько // Druvis. – 2005. – № 1.
19. Акты, издаваемые Виленского комиссией для разбора древних актовъ. – Вильна, 1891. – Т. 18.
20. Krikščioniškosios ikonografijos žodynas. Sudarė D. Ramonienė. – Vilnius, 1997.
21. Jablonskis, K. Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje / K. Jablonskis. – Kaunas, 1941. – Т. 1.
22. Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М., 1974.
23. Лозка, А. Беларускі народны каляндар / А. Лозка. – Мінск, 2002.
24. Дучыц, Л. Археалагічныя помнікі ў назвах, вераваннях і паданнях беларусаў / Л. Дучыц. – Мінск, 1993.
25. Дучыц, Л. Этнаграфія і міфалогія курганоў Беларусі / Л. Дучыц // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск, 2006. – № 21.
26. Vaitkevičius, V. Examining the Layout Tendencies of East Lithuanian Barrows / V. Vaitkevičius // Papers from the Second Theoretical Seminar of the Baltic Archaeologists (BASE) held at the University of Vilnius, Lithuania, Oct. 21 – 22, 2005. Interarchaeologia-2. – Vilnius – Helsinki – Riga – Tartu, 2007.

ДА АРЭАЛЬНАЙ ХАРАКТАРЫСТЫКІ ЗАМОЎНАЙ ТРАДЫЦЫІ БЕЛАРУСАЎ ПАДЗВІННЯ

канд. філал. навук **Т.В. ВАЛОДЗІНА**

(Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі, Мінск)

*«Заговоры хай па беламу свету ходзюць»
(з каментарыя знахаркі з Лепельскага р-на)*

Прадстаўленая першасная характарыстыка замоўнай традыцыі Віцебшчыны як самой па сабе, так і ў межах агульнабеларускай карціны, а таксама спроба вылучэння тых мікраарэалаў, якія маглі б быць аб'яднаныя па тых ці іншых крытэрыях. Асноўная ўвага ўдзяляецца вылучэнню пэўнай спецыфікі лакальнай традыцыі, якая праяўляецца ў большым ці меншым развіцці пэўных сюжэтаў, матываў і асаблівасцяў структуры тэксту. Такім чынам абмалёўваюцца своеасаблівыя ізагloses, якія ахопліваюць тэрыторыю Падзвіння і не абавязкова супадаюць з адміністрацыйнымі межамі.

Замовы – адзін з тых жанраў народнай творчасці, якія выяўляюць высокую ступень інтэрнацыянальнасці як у межах сэнсавай характарыстыкі, так і структуры. Менавіта сярод замоў асабліва выяўна выступаюць тыя фармальныя і сэнсавыя элементы, якія залічваюцца да універсальных, бо абапіраюцца на архаічную сістэму ўяўленняў, псіхафізіялагічную агульнасць чалавечай прыроды, а таксама на падобныя прынцыпы тэкстаскладання. Разам з тым кожная тэрыторыя характарызуецца сваім і даволі ўстойлівым наборам функцыянальных тыпаў, сюжэтаў і персанажаў. Адрознымі выступаюць і асаблівасці структурнай арганізацыі (наяўнасць/адсутнасць зачынаў, закрэпак, зваротаў і г.д.). Сваю ролю ў падобнай неаднароднасці адыгралі многія фактары, сярод якіх – канфесійная прыналежнасць, фактар іншаэтнічных уплываў, ступень распаўсюджанасці кніжнай замоўнай традыцыі і інш.

Крыніцамі даследавання сталі ўсе магчымыя друкаваныя звесткі, а гэта том «Замовы» [1], куды ўвайшлі і запісы Е. Раманава, А. Шлюбскага, «Полацкі этнаграфічны зборнік» [2]. Для дадзенай працы былі франтальна прапрацаваныя архівы Беларусі, дзе патэнцыйна такія замовы маглі б змяшчацца. Гэта Фальклорны архіў Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта (кіраўнік У. Васілевіч), Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАНБ, Архіва навукова-даследчай лабараторыі беларускага фальклору БДУ (кіраўнік Т. Марозава), Архіў Студэнцкага этнаграфічнага таварыства (кіраўнік А. Глушко),